

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКА УЗБЕКИСТАН

**АЛИШЕР НАВОИ
СОЧИНЕНИЯ В ДЕСЯТИ ТОМАХ**

IV

АЛИШЕР НАВОИ
ФАРХАД И ШИРИН

IV
Перевод *Льва Пеньковского и В. Васильева*

ТАШКЕНТ – 2021

Р е д к о л л е г и я

Б.А.Абдухалимов, М.Х.Асадов, О.Д.Давлатов, Н.Ильин,
Н.М.Махмудов, С.Саййид, Ш.С.Сиражиддинов, К.О.Эргашев,
Ж.С.Эшонкулов, И.Ч.Хаккулов.

Издание подготовлено к печати Писательским союзом Узбекистана и
Институтом языка, литературы и фольклора АН РУз

Составители тома

С.Эркинов
С.С.Рафиддинов
С.Х.Утанова

Оформление Народного художника Республики Узбекистан
И.И.Икрамова и П.Д.Воронкина

ВСТУПЛЕНИЕ К ПОЭМЕ

I

Хвала Творцу: есть путь в чертог идей,
Дай сердцу цель – открытие дверей.

Очам души яви дверей замок,
Чтоб я ключом пера открыть их смог.

К сокровищам позволь мне подойти
И всё, чего желаю, обрести.

Каких бы я ни пожелал жемчужин,
Яви их мне – пусть красоте послужат.

И жаждой обладанья награди,
Пусть страсть иметь их жжёт огнём в груди.

Дай то мне в руки, что недостижимо,
И лучшего не дай пройти мне мимо.

Не позволяй насытиться душе!
Еще дай взять сверх взятого уже.

Сокровища мне во владенье дай,
Когда рассыплю, Ты мне возвращай.

Пусть с кончика пера летят рубины,
Язык пусть дарит жемчуга любимым.

Ведь я Тобою мне вручённый клад
Рассыпать в мир влюбленным сердцем рад.

Не умножай печаль моей души –
Не пасть в забвенье кладу разреши.

Коль Ты велишь рассыпать жемчуг строк,
Пусть сотни рук взметнутся в воздух в срок.

Им мною посланный щедрейший дар
Ты на лету поймать несчастным дай.

Будь к нищим щедр, к богатым – справедлив,

Дарами духа их не обдели.

Для шаха дар – Корона на челе,
Рабу он – светоч счастья во мгле.

Позволь влюбленным дара возжелать,
Он должен наслажденья даром стать.

Слов жемчуг – это слёзы в их глазах,
Рубины – состраданья кровь в слезах.

Что явным стало, что осталось скрытым,
Храни слезами в их глазах открытых.

Пусть даром обладает мастер слова,
Пусть жемчуг станет строк его уловом.

Да сохранит дар вечности ларец,
И воссияет им небес венец!

Кто дар разрушит, тотчас покарай,
Кто счастье в нем найдет, Ты счастье дай.

II

Изложение того, что “алифы” этой поэмы страсти стройны, как станы красавиц, похожих на кипарис, и “лямы” – как завитки их кудрей, похожих на фиалки¹, и причиной этому является буквица в ее заглавии с именем Всевышнего и еще то, что вступление ее украшено восхвалением божественных атрибутов Его сущности.¹

Страницы красота – тропинка в сад страданий,
Тюльпаны – кровь любви, сердец разбитых раны.

В них каждый лепесток – непониманья пламя,
В нем каждый гиацинт – тоска печали злая.

В нем пенье птиц – немая песнь разлуки,
Ручьи несут потоки слёз их муки.

Кусты цветут бутонами страданий,
Потом горят цветами ожиданий.

¹ "Алиф" и "лям" – буквы, которыми пишется слово «Аллах». Глава посвящена восхвалению Аллаха, и в заглавии автор таким образом намекает на его содержание.

Поэмы красота – людских страданий плод,
И потому душой ее впитал народ.

И первая строка, и первая страница –
Создателю хвала, пусть слава Его длится!

Он людям подарил не сердце – сад любви,
Святилище его – сокровище любви.

В сокровищнице той жемчужина – свеча,
Свет – нежность и покой, любовь в ее лучах.

В ком пламя красоты, те не сжигают мир,
Несущие любовь лишь озаряют мир.

Огонь Его любви не молнии разряд,
А солнца вечный свет и жизни вечный сад.

В ночи небытия светило то возшло
И вечности рассвет с собою принесло.

В зеркале бытия нашел Он отраженье:
И мирозданья суть, и вечное движенье.

Возлюбленным Он стал, а сущее – влюбленным,
Не только существа – частицы и фотоны.

Возлюбленный, влюбленные – две мира части,
Которые ввели его в горнило страсти.

Любовь – исток страстей, ее очарованье,
Кто очарован, тот ждет и к себе вниманья.

Возлюбленного страсть влюбленного сжигает,
Когда в любимом он себя, прозрев, узнает.

Единство двух и есть любовь, пойми!
Аллах всезнающ, с ним мудры и мы.

Идея дивная! Художник гениален!
Бессчетно образов – во всех Он идеален!

Он всё: натура, образ и художник,
Его секрет раскрыть никто не может...

Я ж обезумел, разгадавши тайну,
И без ума доверил все дастану.

О, Навои, безумство прекрати!
Вернись к началу своего пути!

Всевышний вечен, всемогущ и чист!
Наш разум перед Ним – лишь чистый лист.

Познание Его так нагружает разум,
Что видит тот себя пред Ним ничтожным сразу.

Он – зеркало, Он – молния, Он светел
Настолько, что наш ум сжигает в пепел,

Что сель небытия уносит в ночь,
И след его искать – небытие толочь.

Бессилен ум понять присутствие Его,
А разум слеп Его постигнуть существо.

Поскольку Он есть всё, то нет Его примет,
Поскольку Он везде, нигде Его и нет.

Началом Он древней, чем древняя предвечность,
Конец Его незрим, он далее, чем вечность.

В тот миг, когда свой гнев не сдержит он хоть чуть,
Вспылают небеса, расплавившись, как ртуть.

В познания океан когда Он входит весь,
В семи слоях земли все девять сфер небес.

Он и Фархад судьбы, сквозь скалы бьющий путь,
Что неба Бисутун² не в силах повернуть,

Всех грозных императоров Китая
Умыться кровью Он легко заставит.

Когда прикажет Он, то тела мир
Благоустроит разума визирь.

² Бисутун – скала в Иране, на которой по приказу Дария I на высоте 105 метров высечена надпись на трех языках о его победе и воцарении.

Творить орнамент для дворца души
Он может только Мани³ разрешить.

Груз знаний тянет мудрости Сократ,
Чей тела талисман души лелеет клад.

Он луноликой прелесть сотворил
И в мир послал, назвав ее Ширин.

Ее кокетство, красота, очарованье
Ввергали в страсти всех царей повально.

Зари вечерней Гулгуну⁴ Он дал масть солнца,
Накидка Млечного Пути над ним не рвется.

Шабдеза⁵ ночи привязал Он к стойлу крепко,
Стал месяц ручкой для ведра, нырнувши в реку.

Пришил Шапуру⁶ на халат жемчужин звезды,
Заря и небо для Него лишь красок проза.

Шируе⁷ смерти меч Он наточил острейший,
Парвезов тысяч сто убил, забыв в дальнейшем.

Он времени хранителю дал саз,
Чтоб веселил он славно смертных нас.

Когда Зухра сыграла песнь Барбада,
Бахрамы поняли – им разума не надо.

Все на земле Фархады, все Ширин –
Свеча одна и мотылёк один.

Гора из тысяч мелких Бисутунов –
Пыль на Его пути по скорбным думам.

Пред мелкой искрой ярости

³ Мани – пророк, основатель манихейства, известен также как искусный художник (каллиграф) и музыкант.

⁴ Гулгуна – конь Хосрова. Здесь – олицетворение вечерней зари.

⁵ Шабдез – конь Хосрова. Здесь – олицетворение ночи.

⁶ Шапур – персонаж поэмы “Фархад и Ширин”. Здесь – олицетворение небосклона.

⁷ Шируе – персонаж поэмы “Фархад и Ширин”. Здесь – олицетворение смерти.

Его, Хосровов гнев не значит ничего.

Исчезнет мир иль дальше будет жить,
Он может между дел своих решить.

III

Осознание того, что человек неволен в своем приходе из тайного дома небытия во дворец бытия и нет у него другого пути, кроме дороги жизни, ведущей к опочивальне небытия. Постигание безумной мысли о том, что человек невиновен в своих грехах, но, как безумец, тоскует по цепи, способной удержать его от них. Религиозные предписания мнятся безумцу такой цепью, соединяющей его с сонмом разумных.

Аллах! Я знаю: вечность – суть моя –
Была незримым сном небытия.

Не цвел страданиями цветник души,
Стать пылью глина тела не спешит.

Квартет стихий от сущности вдали,
Друг друга кости тела не нашли –

В огне еще не тлела жизнь моя.
Вода – мираж в песках небытия.

Земля – пока что – пыль небытия,
Не знала ветра жажды суть моя.

Ни тела, ни чела, ни чувств в глазах,
Ни лика, ни слов страсти на устах.

Нет ни души, ни смертных болей в ней,
И тысячи шипов в груди моей

Не ранят сердце, ибо нет его,
И нет печалей в нем, и нет тревог.

Души нет, счастья нет и горя нет:
Мир бытия не шлет им жизни свет.

Небытие – покоя абсолют,
Но Ты призвал – и начат жизни труд.

Из атомов собрал Ты существо...

На что ж, Аллах мой, ты обрек его?

Ума нет, чтобы голод победить –
Живет, чтоб есть, питается, чтоб жить.

Живет он только волею Твоей,
В нем силы нет, чтоб жить начать своей.

Меджнун безумный, малое дитя
В пеленки гадит, весело кряхтя.

Ты – няня, будет грязным существо,
Покуда Ты не вымоешь его.

Ему капризы все разрешены,
И могут члены быть обнажены.

И сколько лет мучительных трудов –
Не высказать – таких нет в мире слов!

Так сотворив прекрасное дитя,
Ты в мир его отправил не шутя.

Был – существо, а ныне – человек,
Из рук Твоих он начал свой разбег.

Во всем всегда Твоей покорный воле,
Как написал я, в мысли дерзкой волен.

Но Ты его за это не прощал,
А непосильной ношей нагружал.

Смущен я! Прав, не прав – Тебе решать,
Но без тебя не мог он сделать шаг.

Не знаю: прав, не прав –
Тебе решать, Зачем на лбу судьбу пером писать?

Ты – жизнеписец, он – твой карандаш
Иль знак – ему пером ты зримость дашь.

Разумны ли перо и письмена?
И есть ли в неразумье их вина?

Лишь пишущий дарует знаку смысл,

Перо до нас его доносит мысль.

А человеку мало этих бед –
За каждый шаг Ты требуешь ответ.

Он ликом почернел, как карандаш,
И смотрит ниц – Ты отдыха не дашь:

Пугаешь адом, если что не так,
То разжигаешь смертный пламень драк.

И если я, о мой Аллах, не прав,
То ты меня, пожалуйста, поправь.

Тебе ж резонов вечности не жаль –
Открой мне божьей мудрости Скрижаль.

Когда там не описан каждый шаг,
Которым ступит в жизни наш дурак,

Уверен: будет суд Твой справедлив,
Когда узнаешь, чем живущий жив.

Но если на Скрижали вся судьба
Тобою к жизни званого раба,

Чего ты ждешь тогда от бедолаги?
Его грехи Твои венчают флаги...

Эй, Навои, язык твой слишком длинен,
И в глупости своей ты сам повинен!

Что ты несешь! Замолкни, наконец!
Аллах всему живущему – Отец!

А ты на миг не остановишь вздор,
Где в каждой букве Господу укор!

Ты пьян? Безумен? Или принял яд?
Упорен ты в безумье, как Фархад!

Ты сделал свой язык киркой из стали,
Твои слова черны, как уголь, стали.

Коль дорога поэту голова,